
студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—291

РГДБ
2018
ЛУДА
КУЗНЕЦ-КОЛДУН
ХУДОЖНИК
К·БЕЗБОРО-
-ДОВ·

Жил когда-то кузнец в Пон-де-Пиле. А надо вам сказать, что в наших местах – это между реками Байзом и Гаронной – железа всегда было много и кузнецов хоть отбавляй.

Но Энрик из Пон-де-Пиля слыл самым искусным мастером во всей Гаскони. Дровосеки издалека приезжали заказывать ему топоры. А его шпагами хоть камни коли.

В соседнем местечке тоже был кузнец, по прозвищу Гасту Одноглазый. Когда он мальчишкой был, попал ему в левый глаз кусочек железа, он и окривел. Хороший был кузнец Гасту, а всё-таки далеко ему было до Энрика.

Не очень-то нравилось Гасту слушать, как все кругом расхваливают работу его дружка. Да и насчёт заказов тоже — люди идут туда, где товар получше. У одноглазого работы всё меньше и меньше становилось. Совсем он загрустил.

Кончилось тем, что друзья не на шутку повздорили. Дело было в воскресенье, и выпили они, наверное, лишнюю бутылочку.

Слово за слово, и вдруг как ударит Гасту кулаком по столу: „Работа, работа! Нечего тебе хвастать. Я-то знаю, почему твои шпаги камни колют, почему твои плуги так здорово пашут. Стоит только вспомнить, кто тебя учил!“

–„Кто учил? Тот же, кто и тебя“. –„Ученье ученью рознь. Может, скажешь, года три-четыре назад ты никуда не отлучался?“ –„А тут никакого и секрета-то нет. В Гурдоне у меня тётка“

– Тётка, говоришь? В Гурдоне! Вернее, немножко в стороне от него. Есть там яма Падирака. Вот туда-то ты и ездил. На самое дно, в кузницу дьявола! Там ты и научился своему ремеслу. Колдун – вот ты кто!

Гасту сболтнул не подумав, просто чтобы позлить приятеля, а ведь у слова-то крылья есть: вылетит – попробуй поймай его! Один сказал, другой повторил, третий ещё прибавил. Колдун да колдун... А в те времена люди верили в дьявола, в колдовство и во всякую такую чепуху. Были даже особые суды – колдунов судить. И вот что из всего этого вышло.

На Энрика все начали поглядывать косо, даже обходили его стороной. Сперва кузнец только посмеивался, а потом понял, как к нему относятся, и сделался мрачным и нелюдимым.

Несмотря ни на что, люди всё равно шли к нему покупать топоры, косы и ножи. Только теперь уже никто не входил в кузницу, все оставались стоять у порога — а что, если дьявол придёт навестить своего ученика!

Скоро и оба помощника Энрика ушли от него.

Однажды вечером раздумывал Энрик о том, как ему дальше быть, и вдруг услыхал – стучится к нему кто-то. Удивился он.

Открыл дверь, а там мальчуган стоит. – „Чего тебе надо?“ – „Хочу стать у вас подмастерьем!“ – „Подмастерьем? Ты что ж, не знаешь, что пришёл к колдуну?“

– Знаю, говорили мне. Так что ж, быть колдуном и чудодеем в своём ремесле не всякому дано. Я бы и сам не прочь!

– „Как тебя зовут-то?“ – „Зовут меня Жано, а родом я из Коссеньи“. – „Ну что же, Жано, не простое это дело стать подмастерьем у колдуна. Надо сперва посмотреть, на что ты годен“.

– „А ну-ка, стукни по камню так, чтобы из него вода потекла!"
– „Подумаешь, какое дело! Такой дождь утром шёл, что все камни стали, как губки, – и ребёнок из них воду выжмет. Я сделаю кое-что потруднее".

Схватил Жано огромный кузнечный молот и так ударил по камню, что искры во все стороны полетели.

Энрик-колдун даже повеселел сразу: и ударил хорошо, и ответил неплохо. – „Пожалуй, возьму я тебя в подмастерья. Быть тебе кузнецом-чудодеем".

Всякому ученье по-разному даётся. То, что другому и в год не одолеть, Жано за один месяц выучил. Энрик нарадоваться на него не мог. И понятно: ведь хороший ученик – учителю честь.

Приехал как-то в эти края из Парижа один граф. Приехал граф в свои владения и начал пыль в глаза пускать: и замок-то он, дескать, украсит, и слуг-то наймёт, а какие балы давать будет!

Энрику-колдуну заказал граф сперва целую кучу флюгеров. Очень он любил флюгера! Может, глядя на них, он вспоминал парижских придворных, которые всегда нос по ветру держали.

А потом граф велел кузнецу выковать для него чугунную решётку на ворота замка. Энрик и Жано вдвоём такую решётку сделали, что просто чудо! Настоящее кружево.

Навесили решётку на ворота графского замка. Граф расхваливал, расхваливал кузнецов, а денег ни копейки не дал.

Пошёл Энрик требовать платы. Граф его и видеть не захотел. Велел слугам вон выгнать.

Не на шутку рассердился Энрик. Оттолкнул он слуг, снял с петель решётку, взвалил её на спину и унёс.

Граф, как услыхал, прямо взбесился от злости: – „Грубиян! Я покажу ему, как оскорблять благородного графа!“ – И донёс он на Энрика в королевский суд.

В те времена такие дела решались быстро. В два счёта обвинят, в два счёта и приговорят. И вот Энрик уже в тюрьме.

Руки и ноги у него в цепи закованы, кругом стража стоит. А приговор такой: „Отрубить правую руку за воровство, а потом, как колдуна, сжечь на костре“.

В день казни народу собралось на площади — иголке упасть негде. И Жано был там, вертелся в толпе.

Привели Энрика – чёрный, лохматый, глаза как угли горят – ну, прямо колдун, да и только.

Преступник-то здесь, а вот палач пропал, нигде его разыскать не могут. Уж в толпе начали перешёптываться – мол, видно, дьявол унёс палача, захотел помочь своему ученику.

Но тут судья взобрался на эшафот и говорит: „Так как палача найти невозможно, мы разыскали человека, который добровольно согласился привести приговор в исполнение".

И на эшафот взбирается одетый во всё красное и с огромным топором в руках... кто бы вы думали? Гасту Одноглазый, старый приятель Энрика!

В толпе зашумели: „И не стыдно этому кривому! Это уж слишком!"–Только Жано ничего не сказал. И Энрик тоже.

Занёс Гасту топор, а кузнец и говорит: „Топор! Кто тебя ковал?“ – И все услыхали, как тоненький голосок, не поймёшь откуда, ответил: „Ты, кузнец!“ – „Так как же ты смеешь рубить руку, которая тебя сделала?“ – Топор и остался висеть в воздухе.

Все видели, что Гасту изо всех сил старается, да не может опустить топор. А кузнец опять говорит: „А вы, цепи, вас кто сделал?“ – „Ты, кузнец!“ – пропищал тоненький голосочек. – „Так почему же не отпускаете меня?“ – Раскрылись кандалы, и упали цепи.

И снова говорит Энрик: „Неужто здесь в толпе нет ни одной шпаги, сделанной моими руками?" – „Я здесь, кузнец!" – отвечает тоненький голосок, и из толпы летит шпага.

Схватил Энрик шпагу и–прыг с эшафота и скрылся. Только его и видели.

Все перепугались, и судья тоже. Один Жано и глазом не моргнул. И ещё этот новоиспечённый палач. Даже чудно — стоит себе как ни в чём не бывало,

а потом сошёл с эшафота, подмигнул Жано и затерялся в толпе. И Жано пропал куда-то. Скрылись они, и никто их никогда больше не видел – ни Одноглазого, ни подмастерья.

А вот в Париже немного времени спустя открылась кузница, в которой работали три кузнеца: один большой такой, чёрный, лохматый, другой — кривой на левый глаз, а третий — совсем ещё мальчик.

Соседи иной раз слышали, как мальчуган подшучивал над Одноглазым: „Говори, что хочешь, а Энрик-мастер получше тебя. Видел, как все вещи слушались его?“

А кривой ворчал: „Слушались, слушались! На самом-то деле помог бочонок крепкого вина. Нелегко было мне напоить палача так, чтоб он свалился замертво и я мог занять его место".

Тут всегда вмешивался большой, чёрный: „Оба вы правы. Друзья могут повздорить, но в трудную минуту все обиды забываются. В наших кузницах мы куём не только железо. Здесь выковывается и дружба; хорошая, прочная дружба!"

КОНЕЦ

Редактор Г. Калашникова

Художественный редактор
А. Морозов

Д-401-67

Студия „Диафильм", 1967 г.

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Чёрно-белый 0-20. Цветной 0-30